

УДК 82.0 (091)

ЧЕРТЫ ЮРОДИВЫХ В ГЕРОЯХ Е.И. НОСОВА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЯШКИ ИЗ РАССКАЗА «ПОТРАВА»)

© 2011 М.Ю. Моргунова

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Данная статья посвящена анализу одного из рассказов Е.И.Носова. Автор предпринимает попытку доказать, что главный герой произведения обладает некоторыми типичными чертами русского юродивого.

Ключевые слова: Е.И. Носов, русская литература, юродство.

Abstract: This article analyses one of the stories by E.I. Nosov. The paper reveals that the main hero of this story has some typical manners of feeble-minded person.

Keywords: E.I. Nosov, Russian literature, feeble-mindedness.

Одной из форм пророческого служения на Руси было так называемое «юрродство о Христе», проявлявшееся в добровольном отказе от всех благ земной жизни и принятии на себя образа безумца, не знающего чувства стыда. В околоцерковной среде такие люди занимали исключительное положение, составляя специфический колорит русской православной жизни. Истинному юродивому полагалось носить грязную, рваную до неприличия одежду, кривляться, ругаться, рассказывать небылицы. Однако их нелогичные, нелепые поступки обладали на самом деле глубоким смыслом, а их бессвязные бредовые на первый взгляд речи имели предсказательное значение. Юродивые имели исключительное право говорить все, что думают, обличать сильных мира сего, критиковать человеческие пороки и прегрешения.

В данной статье мы проанализируем, как представлены мотивы юродства в рассказе Е.И. Носова «Потрава».

Рассказ «Потрава» описывает историю жизни главного героя Игната, который, сбежав из родной деревни, отгородившись от родных и близких, постепенно превратился в жестокого безжалостного объездчика в степи, интересу-

щегося лишь собственным благополучием. Никто из обитателей села Сапрыковки не решается напрямую критиковать его поведение, да и сам Игнат всячески избегает встреч с бывшими односельчанами.

Единственным человеком, который отваживается высказать накопившиеся негодование и горечь, оказывается, как ни странно, самый слабый из жителей села – Яшка. Очень показательно, что Е.И. Носов не называет его полным именем Яков, используя уменьшительное Яшка, а вместо слова «мужик» употребляет «мужичок», подчеркивая тем самым его приниженное, ущербное положение по сравнению с остальными.

Внешне Яшка тоже производит весьма жалкое впечатление: «маленький, узкогрудый, в сером мешковатом пиджачке с отвислыми карманами... По-рачьи красное, безусое Яшкино лицо непривычно мигало, будто так с самого детства и осталось, не обретя зрелых мужских черт, так и состарилось, подобно не набравшему силы, преждевременно оброненному деревом яблоку» [1, 105].

Таким образом, перед нами герой, обделенный внешней привлекательностью, смешной, нелепый, несуразно одетый. Уже по этому первому признаку можно провести параллель с юродивым:

налицо несоответствие его внешних проявлений общепринятым нормам, его «иностранность» заложена природой изначально. Он не такой, как все, убогий внешне, вызывающий сочувственные усмешки, местный «дурачок»: «То ли за эту детскость, то ли за терпеливую безропотность считали Яшку на деревне дурачком» [1, 105].

Это замечание Е.И. Носова очень важно, так как одним из основных признаков юродивого является его умственная неполноценность, которая на самом деле выполняет лишь роль маски. Так же и Яшкина «придурковатость» — это лишь видимость.

Если говорить о социальных проявлениях этого героя, то в профессиональном плане он также — неудачник, изгой, слишком слабый для выполнения мужского труда, а потому вынужденный работать с женщинами: «В колхозе он не имел твердо определенной должности, посылали его на всякие работы, обычно невыгодные, на которые другие шли с неохотой, он же брался за все, был исполнительным, хотя по хилости своей охотнее всего прибивался к бабам — полел с ними бураки, сажал капустную рассаду, собирал долгоносики» [1, 105].

В данном случае провести параллель с юродивым уже сложнее, так как работать им вовсе не полагалось, их уделом была милостыня и нищенство. Отметим, что нашей целью отнюдь не является доказательство стопроцентного соответствия образа Яшки образу юродивого, мы говорим лишь о частичном, но все же имеющем большое значение, сходстве. Кроме того, что Яшка работает, хоть и не совсем полноценно, он еще и женат, что также нехарактерно для классического юродивого: «Все это не мешало ему, однако, жениться и наплодить кучу ребятишек» [1, 105].

В гораздо большей мере Яшкино «юродство» проявится в другом: в ситуации конфликта с Игнатом, поэтому мы подробно рассмотрим историю их отношений. Первое небольшое столкновение героев происходит на границе заповедника, охраняемого Игнатом. Яшка смотрит на буйство степных трав и сокрушается о том, что это изобилие пропадает зря. Будучи объездчиком в степи, наделенным властью, Игнат с наслаждением гонит нарушителя порядка прочь: «На чужой каравай рот не раззевай!», — говорит ему Игнат.

Причем стоит отметить, что так строго объездчик стал разговаривать с Яшкой именно потому, что тот был его односельчанином: слишком велик был соблазн продемонстрировать свою власть и могущество, ведь никому, кроме объездчика, не позволено находиться на территории заповедника, он — царь и бог вверенного ему хозяйства, блюститель закона: «— И не швырай, — наставительно и сурово сказал Игнат.

— Дак я суслика...

— Небось на столбе читал? Сказано: что произрастает и обитает на территории, охраняется законом» [1, 106].

Игнатово бравирование своей властью вызывает раздражение и неприятие в Яшке, и, что самое удивительное, этот странный хилый мужичок даже пытается выразить свои чувства: «— Какой суслик — закон? — усмехнулся Яшка. — Мы их на своем поле почем зря давим. А вы подбираете... Под закон приют даете » [1, 106].

Начинается словесная перепалка, которая станет лишь преддверием более серьезного конфликта между героями: в следующий раз они столкнутся в степи ночью, когда гонимый крайней нуждой Яшка все-таки решится косить на охраняемой территории. Объездчику удастся заметить преступника, и он пускается за ним в погоню. Понимая, что все равно будет пойман, Яшка сам выскакивает навстречу: «— Ну... Вот он... я-а-а! — запаленно и вызывающе заверещал мужик» [2, 118].

Игнат, словно голодный хищник, бросается на свою жертву: «— Думал: гроза, нету Игната? — злорадствовал Игнат. — Что — выкусил? Вот закатаю, паразита, под статью...» [1, 120]. И вот в этой ситуации проявляется совершенно иная сущность Яшки, он вдруг решается на то, на что способен далеко не каждый человек — высказать всю правду в лицо, не опасаясь последствий: «— На, веди, веди! — бабьим голоском, визгливо вскрикнул мужик и дернул связанными руками. — Веди! Я и сам пойду. Пойду и скажу... На суде скажу! Перед всем людом... Сам ты паразит, Игнатка! <...> — Я не бег... Не бег... — кричал он, подступая к самому лицу Игната. — Я с колхозом жил. Хорошо ли, плохо, жил... Помогал... Все делал... Моего поту там полито. <...> — А ты — убег... Укрылся... В овраг спрятался... А только от людей не спрячешься. Люди видят твою жизнь... Наблюдает, какой ты есть... <...> — Мне теперь все равно. Бей! А только гад и есть. Канаву перебег и спрятался... Как серая козюля, под закон... <...> — А теперича мы тебе не товарищи! — кричал мужик. — Разве ты степь стерегешь? Ты себя стерегешь... свое житье... Власти над собой не знаешь... Сам на других покрикиваешь... Кому дозволить, кому не дозволить. Ружьем на своих грозисси. Логово свое в овраге ружьем оберегаешь...» [1, 120].

Все негодование, вся горечь, что так долго копились в душах сапрыковцев в отношении Игната, вдруг выплескиваются наружу в слова «дурачка Яшки». Понимая, что он все равно уже пойман, Яшка принимает на себя миссию своеобразного глашатая истины, что особенно сближает его с юродивыми, у которых, как ни у кого, существовала привилегия высказывать свое мнение властям предрежащим, говорить правду

прямо, не беспокоясь о своей участи, ведь терять им было действительно нечего.

Неслучайно Е.И. Носов «поручает» эту миссию именно убогому Яшке, такова давняя русская традиция: говорить о наболевшем устами юродивых. Как отмечает А.В. Юдин, юродство – это служение миру, которое осуществляется особым способом: «не словесной проповедью и не личным примером благочестия, но примером внутренней духовной силы, дающей право обличать и возможность не бояться расплаты за обличения» [3, 84].

Подобное явление было характерно не только для Руси, оно существовало в арабских странах, Византии, Греции, но именно «русские юродивые пользуются своим исключительным положением, чтобы свободно высказывать в лицо власть имущим вплоть до царя правду, которую вряд ли решится сказать кто-то другой» [3, 83]. В связи с этим мы считаем возможным рассматривать присутствие черт юродивого в образе Яшки проявлением именно русского характера.

Увы, расплата за обличение не заставила себя ждать, Яшка горько поплатился за все сказанное: «Жарким толчком кровь ударила в виски Игната.

«Ведь ушибу, враз ушибу...как клопа...» – постерег себя Игнат, белея от выкриков мужика.

– Волк ты овражный, вот ты к...

Не помня себя, сам не ожидая того, только безнадежно, с сиплым придыхом вскрикнув: «а-эх!», Игнат из-под низу сунул кулаком в темноту. Под кулаком хлопнуло, мужик, захлебнувшись какими-то словами, опрокинулся и исчез под ногами в шумящей траве» [1, 120].

Этот последний удар становится для Яшки смертельным. Если в средневековой Руси к юродивым относились как к провидцам, то в современном мире они вынуждены жизнью платить за сказанное. В этом рассказе, как и во многих других, Е.И. Носов проводит мысль о том, что для людей, подобных Игнату, утративших связь со своими родными и домом, не остается ничего святого, что и приводит к таким трагическим последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носов, Е.И. Собрание сочинений в 5т./Е.И. Носов. – М.: Русский путь, 2005. – Т.3.
2. Синявский, А.Д. Иван-дурак. Очерк русской народной веры /А.Д. Синявский. – М.: Аграф, 2001.
3. Юдин, А.В. Русская народная культура / А.В. Юдин. – М.: Высшая школа, 1999.

Моргунова М.Ю.
Курский государственный университет.
Аспирант кафедры литературы филологического факультета.
e-mail: margulis20@mail.ru

Morgunova M. Y.
Kursk State University.
The post-graduate student of philological faculty, the chair of literature.